

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ (IV-VI ВВ.)

О.А. МАНОХИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: kharchenko_o@bsu.edu.ru

Развитию богословского образования в ранней Византии способствовали внутривосточные условия в империи – выделение христианства господствующей религией, способной сплотить народ; поддержка Церкви и ее главными представителями идеи и процесса духовного образования и научной деятельности; особенности местной региональной культуры.

Ключевые слова: ранняя Византия, образование, Церковь, катехизация, научно-догматическая деятельность.

Расцвет духовного образования в ранней Византии непосредственно связан с внутривосточными условиями в империи, благоприятствовавшими развитию богословского христианского образования и богословской науки с IV в.

Термин «высшие богословские школы» применительно к ранней Византии вводит А.П. Дьяконов; также этот термин используют в своих работах З.В. Удальцова¹, З.Р. Самодурова². Другие исследователи – А.П. Лебедев³, митрополит Илларион (Алфеев), игумен Кирилл (Илюхин) и др., говорят об этих школах как о просто богословских или церковных. Однако, все они под этим термином понимают крупные центры христианского богословского высшего образования, расположенные первоначально в Александрии, Антиохии и Нисибисе (затем в Эдессе).

Редко кто писал об этих школах именно как об организациях – институтах высшего богословского образования. Сохранились источники лишь по трем из них. Как пишет З.В. Удальцова, «христианству необходима была систематизация философских знаний, создание образованного и сведущего в теологии духовенства. Именно в этот период возникают богословские высшие школы – в Александрии, Антиохии, Нисибисе, которые иногда именовались богословскими академиями»⁴.

Для представления цельной картины развития богословских школ как институтов, осуществляющих духовно-образовательную деятельность, необходимо рассмотреть основные культурные изменения в империи этого периода, повлиявшие на историю духовного образования вообще.

Необходимо также сразу отметить, что жизнь школ нераздельно связана с жизнью государства и Церкви. Рассматриваемый период характеризуется эволюцией положения христианской Церкви в империи – от равноценного отношения государства к христианству, как достойной религии наравне с язычеством – до становления христианства как государственной религии. В жизни Церкви рассматриваемый период называется «эпохой Вселенских соборов». Данный период характеризуется формированием четкой догматической системы христианского вероисповедания или «золотым веком богословской науки»⁵, и в этом немаловажную роль сыграли высшие богословские школы, которые и сами, благодаря этому, активно развивались.

Исходя из этого, можно выделить основные факторы, влиявшие на развитие богословских школ: 1) внутренняя политика Византийской империи, благосклонная к хри-

¹ Удальцова З.В. Основные направления развития византийской культуры IV – первой половины VII в. // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 678.

² Самодурова З.Р. Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 502.

³ Лебедев А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Исторические очерки состояния Византийско-Восточной Церкви от конца XI до половины XV в. СПб., 1892. С. 12.

⁴ Удальцова З.В. Основные направления развития византийской культуры IV – первой половины VII в. С. 678.

⁵ Кирилл (Илюхин), иг. История христианского образования // Православный Собеседник. Выпуск 2(15). Альманах Казанской Духовной Семинарии. Казань, 2007. С. 174.

стианству⁶; 2) поддержка Церкви и ее главными представителями идеи и процесса духовного образования и научной деятельности; 3) особенности местной региональной культуры в провинциях.

Первым фактором является благосклонное отношение к христианской Церкви государственной власти в лице императоров. Приняв христианство как *главную для спасения Истину*, империя утратила ритуалистский характер отношения к религии, то есть своеобразный синкретический плюрализм, характерный для языческой Римской империи. Император принял на себя обязанность искоренять языческие культы, бороться с еретиками, способствуя их присоединению к Церкви, раздвигать границы империи, создавая благоприятные условия для проповеди христианства.

Какова была роль христианства в империи? В Византийской православной империи Церковь была столпом (как и апостол Павел называет Церковь «столпом и утверждением истины» (1 Тим. 3:15)), и государство старалось создать ей все условия для проповеди. Миссионерство, то есть обращение народа в христианство – главная задача Церкви с точки зрения государства. Об этом пишет протоиерей Иоанн Мейендорф: «Византийская концепция, согласно которой империя и Церковь были союзниками в руководстве единой христианской *oikoumene*, подразумевала их сотрудничество в сфере миссионерства. Значение «равноапостольный» (*isapostolos*) стало прилагаться к Константину Великому именно потому, что он внес свой вклад в обращение империи ко Христу. Константинопольские императоры, преемники Константина, обычно погребались в церкви Святых Апостолов. В придворном церемониале подчеркивалась ответственность кесаря за миссионерство. От императора ожидали пропаганды веры и укрепления христианской этики и поведения, а достижение названных целей могло быть и посредством законодательства и благодаря поддержке государством проповеднической и благотворительной деятельности Церкви»⁷.

Обращение населения империи в христианство было одной из целей богословских школ, для достижения которой было определено катехизаторское направление их деятельности. Кроме того, в данный период их роль была важна в связи с тем, что Церковь получила свободу и теперь нуждалась в создании четкой структурированной догматической системы. Здесь все направления деятельности школ выступали как средства создания этой системы и распространения христианского вероучения среди населения.

Материальное обеспечение Церкви также способствовало развитию высшего духовного образования. Прямые указания о материальном обеспечении таких учреждений в империи непосредственно в источниках не встречаются. Однако, в силу догматических установлений Церкви и общепринятой ее практики, мы можем предположить, что в это время духовные школы содержались «за счет Церкви и добровольных пожертвований»⁸. Создание при своих кафедрах духовных школ и попечение о них на соборах было закреплено за епископами⁹.

В рассматриваемый период у Церкви имелись средства для поддержания церковного образования, в частности, высшего духовного образования. Об этом говорится в Актах Вселенских соборов и у церковных историков Ранней Византии.

По вопросу истории материальной поддержки духовных школ есть научные исследования XIX–XX вв. Например, в 1896 г. была опубликована магистерская диссертация П.П. Соколова «Церковно-имущественное право в греко-римской империи», в которой автор рассматривает основные положения по вопросу церковного имущества в правовом контексте.

М.В. Левченко в статье «Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи» в «Византийском Временнике» отмечает: «Уже первый христианский император

⁶ Самодурова З.Р. Школы и образование. Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 502.

⁷ Мейендорф И., прот. Византийское Богословие. СПб. 2000. С. 50.

⁸ Кирилл (Илюхин), иг. История христианского образования // Православный Собеседник. Выпуск 2(15). Альманах Казанской Духовной Семинарии. Казань, 2007. С. 174.

⁹ Дмитриевский В. Александрийская школа. Казань, 1884. С. 4. Здесь автор ссылается на постановления Антиохийского собора, но не уточняет какого именно. В постановлении Антиохийского собора 341 г., подобных постановлений нет. Однако в истории известно множество других соборов, созванных в Антиохии (264, 268, 324 или 325, между 327 и 330, 338, 344, 358, и в др. годах), но возможно, что сведения об их постановлениях не сохранились в полной мере.

Константин старался обеспечить безбедное житье для духовенства. С этой целью он приказал выдавать на духовное ведомство весьма значительное количество съестных припасов (хлеба, вина и т.д.), предназначенных не для одних клириков, но и для лиц монашеского образа жизни»¹⁰. Юлиан уничтожил эту субсидию, а его преемник Иовиан приказал выдавать третью часть того, что назначено было Константином. В царствование Феодосия Младшего субсидия выдавалась, как и при Иовиане, уменьшенной на две трети¹¹, но и эта субсидия оставалась весьма значительной¹².

Эти сведения, хотя и не свидетельствуют прямо о том, что богословские школы находились на обеспечении у государства и Церкви, но и не исключают этого. Они подтверждают тот факт, что государство в значительной мере обеспечивало Церковь. Из этого следует, что Церковь была в состоянии материально обеспечивать богословские школы.

Вторым фактором, влиявшим на развитие школ, была поддержка самой Церкви, осознававшей необходимость высшего богословского образования. Важность школ в жизни тогдашней Церкви обуславливается, в первую очередь, их целями и задачами, поскольку эти функции относятся непосредственно к Церкви, а школа выступает как непосредственный их исполнитель.

Одной из функций, о которой мы уже упомянули, является катехизаторская деятельность. В новой ситуации Церковь нашла иную стратегию проповеди. Схема «сначала просвещение – затем крещение» сменилась на противоположную: «сначала крещение – затем просвещение». Если в первые века оружием Церкви было слово, то теперь Церковь идет по пути освящения материальной культуры, пространственно-временных структур. Этот процесс начался еще при Константине Великом, когда были расчищены от мерзости запустения святые места в Палестине и началось их почитание, развивается храмостроительство, а к концу IV века Рождество Христово начинает праздноваться в день «непобедимого солнца» (25 декабря). Христианство отвоёвывает те уровни культуры, которые ранее принадлежали миру язычества – такой миссионерский подход оказался эффективен и для христианизации варварских племён. Проповедь христианства среди молодых народов Европы пошла через освящение быта; создание христианского календаря, в котором святые замещают языческих богов; храмостроение и живопись, более понятные простому человеку. В новых условиях также возросло значение прямого явления силы Божьей. Новые народы в религиозных вопросах следовали воинской дисциплине: вслед за обращением правителя следовало обращение всех его подданных, которые не оставляли полностью своего языческого багажа. При этом христианство принималось сразу как государственная религия.

Другим важным вопросом является вопрос об образовании духовенства. Это время характеризуется большим обилием духовных лиц. М. Поснов отмечает, что «... в IV-м веке и последующих веках не было недостатка в пастырях, твёрдых верою и чистых в моральных заповедях жизни... эти мужи... выступали против господствующих пороков в своих проповедях и письменных трудах... Народ чувствовал нравственную мощь этих великих пастырей»¹³. Сложность общественной и церковной жизни, естественно, отразилась и на проповедничестве IV и V вв. В это время в проповеди всё более и более начинают применять приёмы ораторского искусства. Продолжает развиваться и достигает известного совершенства и форма проповеди – появляется самый совершенный вид проповеди – слово.

Какие же причины обусловили такое развитие христианской проповеди? Почему от простой безыскусственной беседы она переходит к ораторской речи? Внешняя причина заключалась в большом численном росте Церкви и вхождением в неё образованных людей из язычников, с которыми необходимо было говорить языком привычных для них понятий, чтобы дать им нужный ответ о своём уповании (1 Петр. 3:15). Борьба с ересями также побуждала проповедников изыскивать более совершенные формы проповеди. Для этого и были необходимы квалифицированные проповедники. Подготовка таких достой-

¹⁰ См.: Феодорит. Церковная история. I, 2; IV. 4.

¹¹ Созомен. Церковная история. V, 5.

¹² Левченко М.В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // Византийский временник. 1949. С. 13.

¹³ Поснов М. История христианской Церкви (до разделения церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 513.

ных пастырей и была необходимой задачей высших духовных учебных заведений. Начиная с IV века, требования к желающим вступить в клир (служащих в какой-либо церкви) становились все строже, от них требовалась известная степень образованности и нравственная жизнь. В Александрии, Антиохии, Эдессе и других местах возникают специальные училища для подготовки богословски образованных священнослужителей. Были установлены возрастные ограничения: в дьяконы поставляли не прежде 25 лет, в пресвитера (священника) – не прежде 30 лет, во епископа – не прежде 40 лет (иногда в 35)¹⁴.

Жизнь Церкви необычайно усложняется возникновением в IV-м веке ересей, которые буквально потрясали целыми десятилетиями весь организм Церкви. Сначала возникло арианство, затем македонианство и аполлинарианство. Борьба с этими ересями была борьбой за внутреннюю чистоту Церкви, за православие. Это дает стимул к развитию научно-догматической деятельности школ. К сожалению, очень часто богословские споры осложнялись вмешательством императоров, поддерживавших силой своей власти то одну, то другую сторону, чаще же всего еретическую. Неуместное вмешательство во внутреннюю жизнь Церкви приводило к новым гонениям и ссылкам, взаимному недоверию, вражде, озлобленности и подозрительности. Искусственные попытки к соединению спорящих сторон, как правило, не приносили положительных результатов.

Св. Василий Великий сравнивал состояние Церкви в его время с морской битвой тёмной ночью, он писал: «Как страшно с обеих сторон устремляются ряды кораблей и, когда гнев достигает высшей степени, схватившись, начинают борьбу... невозможно различить ни друзей, ни врагов, и от смятения не распознаются подаваемые друг другу знаки... корабли с треском взаимно сталкиваются, и стоящие в боевом порядке, частью передаются неприятелям и вследствие борьбы переходят в их власть, а частью поставлены в необходимость... убивать друг друга во время мятежа, произведённого и завистию к превосходству других и желанием каждого самому одержать верх... сверх этого море оглашено... какими-то смешанными и неразличимыми звуками, от свистящих ветров, от взаимных ударов кораблей, от шума, кипящих волн, от крика сражающихся... видны какой-то ужасный беспорядок и смятение, и чрезмерность бедствия при отчаянии в жизни производят в них то, что грешат с совершенным бесстрашием. Присовокупим какое-то неисцельное беснование честолюбия в тех, которые на кораблях, так что они не оставляют между собой спора о первенстве, когда корабль погружается уже в глубину»¹⁵.

Научная деятельность богословских школ непосредственно связана с деятельностью Вселенских соборов. О тесной связи истории Вселенских соборов с историей развития богословской школы пишет А.П. Лебедев: «Учеными богословами, изучающими церковную историю, давно уже примечено, что деятельность вселенских соборов стояла в тесной связи с развитием богословских школ IV и V века»¹⁶. Преимущественно это связано с научным догматическим направлением деятельности. Также он пишет, что в этой области нет достойных исследований, несмотря на открытый вопрос и большой научный интерес ученых богословов¹⁷. Так же остро эта проблема стоит и в наше время.

Следующим важным фактором является проблема, связанная с местными региональными, провинциальными особенностями культуры тех мест, где были расположены высшие богословские школы. В Византии жили представители многих этносов, но каждый человек испытывал тесную связь с государством. В каждой провинции империи были свои культурные особенности. Как пишет А.П. Дьяконов: «Церковь относилась к национальным особенностям с самым широким снисхождением, руководствуясь словами св. ап. Павла: «свободен сый от всех, всем себе поработих, да множайшия приобрящу; бых иудеем яко иудей, да иудеи приобрящу, подзаконным яко подзаконен, да подзаконныя приобрящу; беззаконным яко беззаконен – да приобрящу беззаконныя; всем бых вся, да всяко некия спасу; сие же творю за благовестие» (1Кор. 9:19-23).

В отношении к школе такая широкая точка зрения была особенно благотворной. Ибо школа, как показывает ее история, с одной стороны – является одним из самых устойчивых, «консервативных установлений человеческих обществ» и плохо поддается

¹⁴ Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской Церкви. М., 2011. С. 81.

¹⁵ Св. Василий Великий. О Святом Духе к св. Амфилохию, епископу Иконийскому. Гл. 30.

¹⁶ Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V вв. 2-е изд. Сергиев Посад, 1896. С. 11.

¹⁷ Там же. С. 13.

внезапным радикальным преобразованиям; с другой стороны, – соприкасаясь с глубочайшими основами этнического духа, она только в определенной исторически сложившейся форме дает возможность проявиться национальному творческому гению во всей его полноте и силе. Поэтому и древне-христианские школы, – совпадая между собой в основной своей цели, каковой было научение христиан в вере и жизни, – в способах выполнения этой цели, то есть в учебных планах и методах, в постановке воспитания и во внешней организации, держались различных национальных традиций. А результат был тот, что все народы, призванные к христианскому ведению, принесли на службу Церкви свои национальные дарования и культурные навыки и таким образом, способствовали, каждый в меру своих сил и развития, – самому полному выяснению и научному обоснованию христианского учения»¹⁸.

Из сказанного ясно, что христианство не разрушало этнокультурные особенности никакого народа. Наоборот, эти формы жизни получали новое содержание, новый импульс к развитию. Только при свете христианской истины становилось ясно, что в этнокультурном самосознании было рутинным, тормозящим развитие всего народа, а что плодотворным, обогащающим. Христианство не предлагало никаких закрепленных форм жизни или типов школы, оно призывало народы рождать новые формы и общественной жизни, и школы, формы, способные вместить Евангельское благовестие. Поэтому древние христианские школы были едины в основной своей цели – научить христианской вере и жизни – и различались лишь в способах достижения этой цели, так как формы и методы школьной работы всегда рождались из этнокультурных и региональных традиций отдельных провинций.

Исходя из этого, можно выделить три типа школ, по ярко выраженному культурологическому признаку. Эта особенность более ярко выражается в рамках новой, христианской империи, поскольку активно влияет на формирование высшего духовного образования. «Национально-культурная среда, в которой распространялось христианство, складывалась из трех главных элементов: греческого, семитического, в котором самую значительную часть составляли сирийцы, и латинского. Каждый из этих элементов отличался резко очерченным характером, обладал своей ярко выраженной и устойчивой культурой и особой образовательной традицией. Соответственно этому, и в древне-христианских школах можно различать три основных типа: греческий, сирийский и латинский»¹⁹.

Данная система деления вполне соответствует реальному положению дел в империи. В поле нашего зрения попадают первые два типа школ.

Для греков больше характерен рациональный, умственный подход к изучению христианского вероучения. «Основную особенность греческого духа на высшей ступени его развития составляло стремление к знанию, которое ценилось само по себе независимо от его практического применения, и именно к знанию всеобъемлющему и целому, которое в высшем своем синтезе – философии должно было разрешить для эллина все вопросы бытия, раскрыть перед ним сущность вещей божественных и человеческих. Этот интерес не был только теоретическим. Эллин глубоко верил в воспитывающую силу знания: оно, по его убеждению, должно сообщать духу человека высшую красоту и нравственность»²⁰. То есть для греков, хотя и были важны одновременно и знания, и нравственность, но на первом месте всегда были знания, а практика и нравственность были их следствием.

Для сирийцев, как представителей культуры, более тяготеющей к Востоку, был свойственен в первую очередь, нравственный, практический подход, основанный на авторитете личности: «сириец обнаруживал особенную склонность и способность к позитивному, аналитическому мышлению. Для сирийца на первом месте стояли интересы нравственного и практического характера, и эту область интересов он не решался подчинить руководству ума. Как эллин, он искал для нее прочной опоры в авторитете; потому и апостол Павел сказал: «иудеи знамения просят, и эллины премудрости ищут» (1Кор. 1:22)»²¹.

¹⁸ Дьяконов А.П. Типы высшей богословской школы в Древней Церкви III-VI вв. // Христианское чтение. 1913. № 4. С. 495-496.

¹⁹ Там же. С. 496.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 526.

Исходя из данной схемы, к греческому типу школ относится школа Александрийская, а к сирийскому типу – Антиохийская и Эдессо-Нисибинская.

В империи в дальнейшем существовало и много других высших богословских школ, например в Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской, Эфесе, но, к сожалению, исторический материал о жизни и деятельности этих школ почти отсутствует, существуют лишь крайне отрывочные упоминания о них в источниках (Акты Вселенских соборов, сообщения церковных историков).

Что касается методики образовательной деятельности в высших богословских школах, то философско-богословские знания постигались совместно с нравственно-практическим опытом духовной жизни. «В духовных училищах того времени само умственное образование сопровождалось нравственным образованием; для некоторых из великих учителей IV века путь деятельной жизни для изучения Св. Писания был единственным путем к просвещению. Пламенная любовь к Господу, твердая среди бедствий времени, твердая среди скорбей добровольного подвижничества, опытом научала дух веры; в благодать св. Духа в предающихся ей умах в сердцах рассевала мрак естественного повреждения, просвещая их более и более Божественным светом истины и мудрости. Отселе самые слова: философия, философствовать, в тогдашнем христианском употреблении, означали духовно-благодатное любомудрие, приобретенное подвижничеством»²². Так писали историки Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит, богословы св. Григорий Великий, св. Иоанн Златоуст и др.

Но здесь нельзя путать высшие богословские школы с монастырскими, которые в IV веке начинают появляться в большом количестве, из-за недостаточного количества мест в первых²³ (такие школы были, например, в Газе).

Что же касается методики преподавания христианского учения, то, по словам Василия Дмитриевского, «во всех них [т.е. богословских школах] христианское учение излагалось и раскрывалось с положительной стороны – для только что вступающих в церковь христианскую в кратком виде, для готовящихся же к пастырскому служению в более обширном»²⁴.

Также изучались и науки светские – риторика, философия, грамматика²⁵. Изучение античной литературы было одним из важных занятий в школах, поскольку она высоко ценилась в христианском мире. Свяtitель Василий Великий рассуждает о пользе, которую можно извлечь из произведений античных авторов: «И поелику до нашей жизни надобно достигать с помощью добродетели, а в похвалу ей многое сказано стихотворцами, многое историками, и еще гораздо более мужами любомудрыми: то на такие особенно сочинения должно обращать внимание. Ибо не малая польза, если души юношей осваиваются и свыкаются с добродетелью; потому что наставления такого рода, по нежности душ, напечатлеваются глубоко, остаются в них неизгладимыми. Ужели предположим, что Гесиод с другою какою мыслью, а не в поощрение юношей к добродетели, написал следующие, всеми повторяемые стихи? «Негладок и неприступен в начале, крут и со многим потом и трудом удобовосходим путь, ведущий к добродетели. Поэтому не всякий может вступить на него, по причине крутизны, а вступив, нелегко дойти до вершины. Но кто стал вверху, тот видит, что путь гладок и прекрасен, легок и удобен, и приятнее другого пути, ведущего к пороку, на который недолго вступить, по причине его близости», как говорит тот же самый стихотворец. Ибо мне кажется, что написал он сие не с другим намерением, но поощряя нас к добродетели и всех убеждая быть добрыми, чтобы мы, расслабев для трудов, не отказались идти к цели. Так, если бы и другой кто восхвалял подобным образом добродетель, примем его слова, как руководствующие нас к тому же»²⁶.

Кроме литературных произведений, он приводит поступки античных философов, как пример добродетели: «Поэтому так будем принимать сочинения, в которых заключа-

²² Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об отцах Церкви. Т 2. М., 1882. С. 12.

²³ Кирилл (Илохин), иг. История христианского образования // Православный Собеседник. Выпуск 2(15). Альманах Казанской Духовной Семинарии. Казань, 2007. С. 174.

²⁴ Дмитриевский В. Александрийская школа. Казань, 1884. С. 5.

²⁵ Самодурова З.Р. Школы и образование // Культура Византии IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 503.

²⁶ Василий Великий. Беседа 22. К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями // PG 31. P. 564–589.

ются правила добродетели. Поелику же и доблестные деяния древних мужей или соблюлись до нас в непрерывной памяти людей, или сохранены в сочинениях стихотворцев и историков: то не лишим себя и отсюда происходящей пользы. Например, некто в народном собрании злословил Перикла, но он не обращал на то внимания, и целый день продолжалось, что один осыпал другого ругательствами, а другой ни мало о том не заботился. Потом вечером уже, и когда смерклось, этого человека, едва прекратившего брань, Перикл проводил со светильником, чтоб недаром пропало у него упражнение в любомудрии»²⁷. Такую нравственную пользу видел в античности Святитель Василий Великий.

Современные зарубежные исследователи также обращают внимание на этот вопрос. Афанасий Маркопулос в своей статье «Образование в Византии» рассматривает проблему взаимоотношения христианской и античной идей воспитания. Он пишет, что много было написано об отношении христиан IV столетия к интеллектуальному наследию греко-римского мира. Христианство, как религия, основанная на явленном Боге, никогда не могла развивать идею о том, что люди должны быть образованны, чтобы принять веру. С другой стороны было понято, что диалог с интеллектуальной традицией древнего мира мог быть только выгодным для христианства. И, действительно, этот диалог играл важную роль в формирующих догматику интеллектуальных дебатах и проблемах этого периода»²⁸. Также автор ссылается на произведение Василия Великого «Слово к юношам о пользе чтения книг языческих» и на критику Григория Назианзина по поводу запрещения императором Юлианом Отступником преподавать в школах христианским учителям²⁹, так как он считал античное наследие исключительно языческим достоянием. Григорий Назианзин писал, «что языческая античность – наследство, от которой пользу получают не только язычники, но и христиане»³⁰. Поэтому идеи христианские и языческие сосуществовали вместе до тех пор, пока в 529 г. Юстиниан не приказал запретить школы язычников и еретиков³¹. После этого структура обучения в пределах империи оставалась фактически неизменной³². Но в оставшемся единственном типе христианских богословских школ античное наследие в значительной мере сохранилось. В первую очередь, это касается риторики как внешней формы выражения христианских идей³³. Здесь достаточно упомянуть о широко известном феномене Газской школы VI в., возглавлявшейся епископами³⁴.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что имеющиеся в источниках сведения об организации и развитии высшего богословского образования в ранней Византии дают лишь отрывочные представления об этом процессе. Кроме того, данный вопрос почти никогда не рассматривался с точки зрения светской исторической науки. Существует много подобных исследований в богословии, церковной истории. Однако, никто не рассматривал в целом историю развития самих высших богословских школ в империи как институтов, осуществлявших высшую богословскую образовательную деятельность. Хотя сегодня существуют отдельные исследования по истории конкретных школ, но они не дают целостного

²⁷ Василий Великий. Беседа 22. К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями // PG 31. P. 564–589.

²⁸ Markopoulos, Athanasios. Education // The Oxford Handbook of Byzantine Studies. New York: Oxford University Press, 2008. С. 785.

²⁹ Болгова А.М., Елисеева О.Н. Законодательство Юлиана о школах и его идеология // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2012. С. 55-58.

³⁰ Ibid. P. 786.

³¹ Cameron, Alan. The End of the Ancient Universities // Cahiers d'Histoire Mondiale / Journal of World history / Cuadernos de Historia Mundial. 10. 1967. P. 653-673.

³² Ibid.; Каждан А.П. Византийская школа // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 209-214.

³³ Cameron Av. Christianity and the Rhetoric of Empire. Berkeley, 1991.

³⁴ Downey G. The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Buletin. 12. 1958. P. 297-319; Ashkenazi Y. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Ariehlf Kofsky. Brill, Leiden, 2004. P. 196ff; Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(96). Вып. 17. Белгород, 2011. С. 48-53.

представления о деятельности богословских школ ранней Византии как образовательного института³⁵. Поэтому такое исследование в современных условиях необходимо.

FEATURES OF RELIGIOUS EDUCATION IN EARLY BYZANTIUM (IV-VI CENT.)

O.A. MANOKHINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kharchenko_o@bsu.edu.ru

Development of theological education in early Byzantium helped domestic conditions in the empire - the allocation of Christianity the state religion, able to unite the people, support the church and its main representatives of the ideas and the process of spiritual education and research activities, especially the local national culture.

Key words: early Byzantium, education, church, catechesis, dogmatic scientific activities.

³⁵ См.: Огнев А., диакон. Система образования в Византийской империи // Мир Византии. Белгород: БелГУ, 2007. С. 116-121; Гольцева О.Е. Светские и духовные образовательные центры в Ранней Византии (IV-VII вв.) // Наш Анабасис. Вып. 2. Н. Новгород, 2005. С. 22-27.